

Реисламизация крещеных татар
в условиях революций начала XX в.:
на примере села Апазово Казанского уезда

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

ФИЦ «Казанский научный центр РАН»

Казань, Российская Федерация

В статье рассматривается сложный период истории села Апазово Казанского уезда Казанской губернии – 1905–1917 гг. Во время Первой русской революции крещеные татары возобновили движение за возвращение в ислам. Сельское сообщество анализируется с различных ракурсов: социально-экономические связи, православный приход, нелегальная мусульманская община, лидеры и аутсайдеры религиозного движения. Маркерами мусульманской субъектности жителей Апазова стал целый ряд действий, связанных с религиозными практиками. Конфликтность внутри сообщества и конформизм коррелировались с разными фазами революционной активности 1905–1907 гг. Раскрываются основные мотивы, приведшие к смене религиозных установок. Автор отмечает, что кроме внешних сил (православные миссионеры, татары-мусульмане) в религиозном движении имелись и внутренние ресурсы: активное среднее поколение и женский фактор.

Ключевые слова: Казанская губерния, Заказанье, Балтасинская волость, история татарской деревни, христианское миссионерство, Первая русская революция 1905–1907 гг., татарская повседневность

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Реисламизация крещеных татар в условиях революций начала XX в.: на примере села Апазово Казанского уезда // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.53–72. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.53-72>

Введение. Татарский населенный пункт Апазово, расположенный в Казанском уезде Казанской губернии (совр. Арский район Татарстана), к началу XX в. имел сложное историческое прошлое. Социальные противоречия рассматриваемого периода были обусловлены историей предыдущих поколений жителей деревни. Они считались «старокрещеными» татарами, а Апазово отличалось от остальных татарских деревень Заказанья своими церковными куполами вместо традиционных в этих краях минаретов. Документы из Рождественской церкви с. Апазово датировались 1720-ми гг., но считалось, что деревянный православный храм был построен гораздо раньше [10, с.70]. Во второй половине XIX в. жители Апазова в миссионерских материалах стали упоминаться в числе «отпавших в магометанство» христиан. В 1883 г. в Казанском окружном суде было рассмотрено дело о 8 крестьянах с. Апазово Балтасинской волости Казанского

уезда. Все они были обвинены в отказе от православной веры и переходе в ислам¹, позднее фигурантов судебного дела сослали на каторжные работы и спецпоселение в Сибирь.

Социально-экономическая жизнь Апазова во второй половине XIX в., в том числе ситуация с «отпавшими», была рассмотрена нами в публикации 2020 г. [6]. В данной статье мы представляем повседневность апазовцев спустя несколько десятилетий, когда в населенном пункте уже подросло новое поколение «отпавших». Микроисторическая оптика дает возможность детально изучить взаимоотношения внутри сообщества и выявить новые аспекты научной проблемы этноконфессиональных групп Волго-Уральского региона имперского периода. Основными источниками работы стали делопроизводственные материалы Казанского окружного суда, Казанского учебного округа, Канцелярии казанского губернатора, Казанской епархии.

Социально-экономическое положение Апазова в начале XX века.

Вплоть до начала Первой мировой войны в селе наблюдался рост населения. В 1908 г. здесь проживало 1363 чел., в 1914 г. – 1399 чел., а в 1920 г. – 1220 чел.² [21, с.163]. Основными жителями села были татары-крестьяне. Например, в 1909 г. их было 1124 человек и все считались «старокрещеными татарами». Остальные 59 человек являлись представителями русского мещанства и духовенства [1, с.27–28]. Помимо самих жителей, в селе в этот период часто бывали иногородние: предприниматели, чиновники, священнослужители, покупатели (приезжали в базарные дни), учителя и ученики местной школы. Например, в 1908 г. при Апазовском мужском училище открылось общежитие на 25 человек. [10, с.72].

Свои коммерческие дела осуществляли здесь не только уроженцы Апазова, но и предприниматели со стороны. Они покупали жилые и производственные помещения, обзаводились домами, складами и лавками. Торговые обороты самой успешной предпринимательской фамилии Ивановых, имевших дело в с. Апазово, от продажи чая, сахара, бакалейных товаров, мануфактуры и других продуктов питания, исчислялись 3–4 тыс. руб. Ивановы были симбирскими мещанами.

Среди постоянных арендаторов временных лавок на базарной площади Апазова были также козьмодемьянский мещанин И.Е. Пендюков, арский мещанин А.А. Кареев, крестьяне соседней Мамсинской волости: Н.Утяганов (д. По речке Мамся), Ш.Фазлыяхметов (д. Новый Тазлар), Г.Махмутов (д. Шошмабаш), Х.Биктемиров и Т.Биктемиров (оба из д. Угузиловка). Кроме того, здесь торговали Ф.Шакиров (д. Новый Кры-

¹ Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф.2. Оп.2. Д.3455. Л.5.

² ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5989. Л.12.

лай Ново-Кишитской волости), М.П. Камаев (д. Тюбяк-Чекурча Арской волости), М.Хусаинов (д. Шиево Тетюшского уезда)³.

Согласно подсчетам Х.З. Багаутдиновой, в 1902–1915 гг. из предпринимателей, торговавших на Апазовском базаре, 83,7% составляли татары-мусульмане, остальные 16,3% были православными. В Заказанье еще больше татарских торговцев было только на базаре д. Старый Ашит [4, с.25].

Таким образом, в начале XX в. Апазово являлось заметным торговым центром Казанского уезда. Большое количество мусульманских торговцев в селе указывает на то, что у местного населения были прочные и постоянные контакты с татарами-мусульманами, в том числе в деловой сфере. Общение, продиктованное торговыми интересами, предполагало и культурный взаимообмен.

Вместе с оборотами базарной торговли развивалась инфраструктура села. Например, открылись новые пункты общественного питания. Если в 1880-е гг. во время базарных дней работала 1 харчевня, то в 1903 г. – 3. Содержали их козьмодемьянская мещанка М.Ф. Пендюкова, арская мещанка Т.И. Разумова и жена казанского цехового Н.С. Петрова. Супруг владелицы харчевни – Н.В. Петров заведовал работой пивной лавки в этом же селе. Питейное заведение принадлежало Торговому дому наследников коммерции советника И.В. Александра⁴.

Помимо постоянно приезжавшей в Апазово торговой публики, особой категорией среди местных жителей были выезжавшие периодически за пределы села апазовцы-портные. «Мужчины почти круглый год занимаются портняжеством», – отмечал чиновник Н.А. Бобровников в конце XIX в. [5, с.32–33]. Портняжный промысел был старинным и весьма прибыльным занятием мужчин-отходников этого татарского селения. В поисках клиентуры портные из Апазова уходили очень далеко. Например, уроженец Царевококшайского уезда Казанской губернии Ахмет Хафезетдинов (1877 г.р.) вспоминал, как в юности встретил в Бухаре одного сарта-портного, который оказался сыном выходца из Апазова. Он рассказал ему, что его отец был крещеном (крещеным татарин), «приехав в Бухару, стал мусульманином», работал портным в постоялом дворе «Нугай-сарай». Его ремесло продолжали сыновья [7, с.125].

Среди клиентуры апазовских портных было много жителей татарских деревень (как правило, мусульман). Этот факт беспокоил миссионеров еще в 1870-е гг., неслучайно в 1873 г. совместно с учебным ведомством был даже организован ремесленный класс при Апазовской школе для обучения мальчиков портняжному ремеслу на месте (обычно портные брали подмастерьев с собой) и ограничения татарского влияния [9, с.65].

³ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13830.

⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13830. Л.642–692.

К началу XX в. решили, что лучше переориентировать учеников на другие занятия. Поэтому в 1905 г. Апазовскому училищу была предоставлена коллекция столярных инструментов для обучения учащихся новым ремеслам. Одной из задач ремесленных классов все так же было ограждение учеников от влияния мусульман и предложение им альтернативного дела⁵. В 1907 г. в Апазовском училище начали обучать столярному и токарному ремеслам [10, с.72].

Однако апазовцы продолжали заниматься и портняжным промыслом, и контактировать с татарами-мусульманами. На рубеже XIX–XX вв. в селе работало отдельное красильное заведение, где занимались окраской и набивкой тканей. Судя по всему, изготовление тканей тоже было связано с большим количеством местных отходников-портных⁶.

В 1898 г. Апазовский православный приход оставил священнослужитель, отец Александр (Миропольский), его перевели в г. Мамадыш. Он прослужил в татарском селе 29 лет. Во многом благодаря его упорству апазовцы так и не перешли окончательно в 1880-е гг. в категорию «отпавших», как удалось, например, жителям соседней татарской д. Верхний Азяк. С 1874 г. до официального причисления к мусульманскому приходу в 1905 г. верхне-азяковцы оставались на положении маргиналов [3, с.121]. Судебный процесс над апазовскими татарами в 1883 г., последующая высылка на каторжные работы и поселение части активных сторонников идеи возвращения в мусульманство приостановили порыв остальных жителей села.

Несмотря на официальный православный статус Апазова, внутри сельского сообщества была неофициальная дифференциация на фактических православных и номинальных. К первым относились приезжие люди христианского вероисповедания, а основная масса коренных жителей лишь де-юре считалась православной. Судя по всему, тон такой сегрегации невольно задавал и сам А.Миропольский еще с 1880-х гг. Памятуя о негативном отношении к проводимым им православной практике, в праздничные дни он посещал не всех прихожан, а только избранных из первой группы. Это продолжалось и после возвращения части «отпавших» татар в лоно церкви. «Отец Миропольский пасхой 1886 года не нашел возможным в продолжение всей пасхальной недели обойти дома их со святым крестом, удостоив лишь своим посещением в первый день праздника проживающих в Апазове двух торговцев и полицейского урядника; дома же отпадавших от православия и только что возвратившихся в него татар обходил на Фоминой неделе, где его или принимали с ропотом, или совсем отказывались принять, что, конечно, ни сколько не может укреп-

⁵ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.7109. Л.2, 11.

⁶ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.10502. Л.5об.

лять колеблющихся в познаниях Православной веры и не может ослаблять силы врагов его», – рапортовал местный пристав⁷.

По данным самого А.Миропольского, после обозначенного выше судебного процесса из 300 «отпавших» апазовских татар вернулись в православие 250 человек, т.е. большая часть населения, испугавшись судебного преследования, предпочла вернуться в прежнее состояние. В целом, они демонстрировали лояльное отношение и покорность к церковным требованиям, но и особой религиозностью не отличались.

Но около 50 человек все же остались в т.н. группе «отпавшие», т.е. открыто заявлявших о своей приверженности к мусульманской религии. Среди них был Тимофей Дмитриев, родной брат осужденного бывшего сельского старосты Архипа Дмитриева. Позже к Тимофею Дмитриеву, которого священник безуспешно пытался выслать из Апазова, присоединились местные жители, крестьяне Емельян и Борис Алексеевы, отставной солдат Ефим Иванов. Кроме того, в 1897 г. из Иркутской губернии, отбыв свой 14-летний срок, вернулся один из осужденных апазовских татар Архип Федоров (он же Абдрашит Ахмадуллин). Его тоже как «проповедника магометанства», оказывающего «вредное влияние», местные власти (пристав, земский начальник) всячески пытались ограничить в правах и выслать на другое место жительства, но вышестоящие органы посчитали такие меры излишними [6, с.48–49]. По официальным сведениям, до марта 1906 г. в с. Апазово было 9 семейств, которые «отпали от православия» в 1882–1883 гг.⁸ К 1907 г. их стало гораздо больше.

Апазовские священники и православный приход. Апазово, как православное село с «отпавшими» татарами, постоянно находилось в центре внимания миссионеров, сюда нередко приезжали представители и учебного ведомства, и Казанской епархии. Поэтому упоминания о жителях Апазова можно найти в отчетах и наблюдениях Е.А. Малова, Я.Д. Коблова, Н.А. Бобровникова и других деятелей. Например, приемный сын и продолжатель традиций известного православного просветителя Н.И. Ильминского – Н.А. Бобровников в конце XIX в. отмечал, что апазовцы «представляют едва ли не самых шатких в христианстве крещеных татар; церковь посещают весьма неохотно, христианские обязанности исполняют весьма немногие», а «отпавшие здешние в высшей степени упрямы в своем заблуждении» [5, с.32–33]. В дальнейшем именно игнорирование церковных обрядов (например, «редкое посещение церкви» сменится полным непосещением воскресной службы) станет основным маркером усиления субъектности апазовских татар.

6–8 сентября 1903 г. в с. Апазово побывал миссионер Я.Д. Коблов и провел беседу с местным населением «с изложением учения Христа и разъяснением бесполезности мухамеданства». В своем последующем от-

⁷ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.3455. Л.2об.–3об.

⁸ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.13.

чете он тоже называл Апазово в числе сел, находящихся «в брожении к отпадению» [11, с.15].

Как отмечали современники, «брожение» было характерно не только для паствы, но и для священнослужителей прихода. Революционная ситуация по всей стране, очевидно, влияла и на взаимоотношения людей, и на их перемещения и действия. После русского священнослужителя А. Миропольского в духовном ведомстве старались, чтобы православную паству татарской деревни возглавлял священник из татар. Это было еще следование принципам Н.И. Ильминского, который настаивал на необходимости назначения в «инородческие» приходы «инородческого священника» для ведения «инородческого богослужения» [14, с.364–365]. Но в с. Апазово тогда наблюдалась кадровая нестабильность, часто менялись даже псаломщики. Так, с 1901 г. псаломщиком был выпускник крещено-татарской школы Ф.Т. Трофимов, уже с 1908 г. его заменил С.Нестеров [18, с.108–109; 19, с.104–105]. «...особенно низшие члены причта, сидело не прочно в Апазове: иногда пономарь заменял дьячка, иногда наоборот...», – отмечалось в обзоре церквей и приходов Казанского уезда [10, с.70]. Поэтому игнорирование церковной службы, очевидно, было связано не только с этим фактом, но и с личностными характеристиками служителей Рождественской церкви.

В 1898 г. Александра Миропольского сменил Павел Михайлов, по замечанию представителей Казанской епархии, «старавшийся упорядочить жизнь хромавших на оба колена апазовцев». В 1899 г. его место занял Василий Никитин, прослуживший в итоге до 1907 г. [10, с.69]. Он был выпускником учительской семинарии. По данным 1904 г., 41-летний священник воспитывал с супругой четверых малолетних детей [18, с.108–109]. Судя по всему, именно о нем позднее в резких тонах отзывался епископ Андрей (Ухтомский). В 1910 г. он говорил, что в с. Апазово до 1905 г. «священником был скандалист-алкоголик, в течение семи лет растравивший приход своим поведением, в пьяном виде отправлявший богослужение» [14, с.364–365]. Уже в другом обзоре подчеркивалось: «В отступнических селах не любят штрафованных “стомаха ради”; не прощают и другие слабости» [священникам – прим.] [10, с.71].

Согласно официальным данным, после ухода В.Н. Никитина в 1907 г. Апазовский православный приход возглавил священник Л.А. Ишкинов [10, с.69]. На тот момент молодому выпускнику учительской семинарии едва исполнилось 25 лет [19, с.104–105]. Лев Алексеевич родился в татарской деревне Сетяково Елабужского уезда Вятской губернии [1, с.27–28]. Однако фактически в 1907 г. временно исполняли должность священнослужителя в с. Апазово еще несколько православных деятелей: уроженец Апазова, священник Емелиан Филиппов (январь 1907 г.) и иеромонах Иоанн (февраль-июнь 1907 г.). Последний был монахом Спасо-Преображенского мужского монастыря г. Казани. Хотел вернуться на прежнее место службы и отец Александр (Миропольский). В Мамадыше у него сложились непростые от-

ношения с частью прихожан: на фоне бушевавших революционных идей они считали его излишне консервативным. Однако руководство Казанской епархии отклонило ходатайство почти 60-летнего священника о желании вернуться в Апазово и предложило Миропольскому стать вольнослушателем Казанской духовной академии. Прослушав миссионерские курсы, в 1911 г. отец Александр обосновался в Екатеринбургской епархии [8, с.415–419].

Священник Емелиан Филиппов в 1880-е гг. служил в с. Апазово учителем школы, и именно в тот период развернулись судебные разбирательства с его «отпавшими» односельчанами. Позднее он получил место в приходе с. Юкачи Мамадышского уезда, а в 1907 г. являлся священником с. Малые Лызы Казанского уезда. Уже в конце января того же года Е.Ф. Филиппов развернул бурную деятельность по защите прав православных жителей Апазова. При его поддержке было подготовлено прошение от неграмотного крестьянина Фрола Степанова на имя казанского губернатора. В нем житель Апазова просил начальника губернии «принять какие-нибудь меры к ограждению остающихся в Православии крещеных татар села Апазова от насильственных действий и угроз со стороны отпадших». Кроме того, требовал уголовной ответственности «отпадших в магометанство» односельчан, а также ходатайствовал о назначении в село «хотя бы одного полицейского урядника православного вероисповедания» [1, с.27–28].

В целом повторялась похожая на события 1882–1883 гг. судебная история: дело дошло до Казанского окружного суда. Но уже действовал Закон 1905 г. о веротерпимости, да и сами «отпавшие» были настроены решительнее. Например, в 1904 г. в с. Апазово было зафиксировано всего 21 человек «отпавших» (9 дворов), остальные 178 дворов с 1273 жителями все еще считались крещеными татарами [18, с.108–109]. В 1909 г. число «отпавших» резко выросло до 479 человек. [19, с.104–105].

Помимо индифферентного отношения к церковным требам, редкого посещения или же полного игнорирования воскресной службы в революционные годы, прихожане Апазовского православного прихода начали демонстрировать протестные настроения и в других ситуациях. Например, 5 января 1907 г., накануне Крещения, апазовцы не сделали традиционную прорубь (иордань). Обычно жители села прорубали иордань по очереди. На этот раз очередь дошла до крещеного татарина Василия Ефимова. Но активисты из числа «отпавших» отговорили его⁹.

Кульминацией революционных настроений борцов за религиозные права можно считать случившийся 9 июня 1907 г. пожар в с. Апазово, в результате которого сгорела и деревянная Рождественская церковь [23, с.3]. Удалось спасти лишь некоторую церковную утварь. В духовном ведомстве были уверены, что это был поджог, устроенный «отпавшими». Основным их мотивом, якобы, было уничтожение документов о своей

⁹ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.9.

принадлежности к христианской пастве [10, с.67]. Однако прямых доказательств вины «отпавших» не было. Подозрительным считалось лишь поведение ряда апазовцев во время пожара, которые, по словам епископа Андрея, отказались тушить огонь. «После этого угрозы сжечь другие деревянные храмы среди крещеных татар усилились», – писал он [2, с.5].

Движение за возвращение в ислам находило все большую поддержку среди местного населения и даже приобретало радикальный характер, но, вместе с тем, в с. Апазово «на пожертвования православных прихожан» очень быстро была построена новая деревянная церковь без колокольни. Новый храм был освящен епископом Андреем 25 ноября 1907 г. Службы, как и прежде, велись на татарском и церковно-славянском языках¹⁰.

Кроме того, в с. Апазово имелся более грандиозный строительный проект: еще в 1897 г. был заложен фундамент каменной церкви. На этот проект А.Миропольский собирал жертвования по всей стране. Например, его объявление о строительстве церкви в с. Апазово, окруженном «мохаммеданскими селениями», в 1896 г. было опубликовано даже в материалах Енисейской епархии [15, с.96]. Спустя десять лет и после пожара церковный долгострой получил второе дыхание, строительство было продолжено. Однако это не понравилось некоторым жителям Апазова. Так, уже в материалах Казанского окружного суда в 1907 г. было зафиксировано, что один из «отпавших» Емельян Васильев сказал, что нужно разобрать кирпичи строящегося храма и использовать для других строительных целей¹¹.

Очень показательно, что среди татар Апазова не было благотворителей, жертвующих средства на пользу местной церкви. Например, в 1877 г. Рождественскую церковь перестроили на средства купца П.Е. Ульянова, он долгие годы помогал местному приходу [18, с.108–109]. Православное духовенство объясняло индифферентное отношение апазовцев к благотворительности тем, что «инородцы еще не склонны к самодеятельности» [10, с.72].

После пожара 1907 г. строительство каменной церкви в с. Апазово было поддержано на самом высочайшем уровне: в 1910 г. владыка Никанор выделил 4 тыс. руб. из средств Казанской духовной консистории, после его же ходатайства в том же году поступило пожертвование от императора Николая II (2 тыс. руб.). Кроме того, имелось около 400 руб. частных пожертвований. Наконец, в 1912 г. Казанская духовная консистория выделила еще 1500 руб. на достройку храма [10, с.67–68].

Вместе с тем изучившее ситуацию в с. Апазово православное духовенство вынуждено было констатировать, что «апазовцы редко ходят в церковь». Так, в июне 1912 г. миссионер А.Кремлев посетил местный приход и прочитал специальную проповедь «о необходимости посещения церкви и пользе от этого для души христианина». Однако в православный

¹⁰ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2835. Л.5об.

¹¹ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.3об.

храм в тот день пришли не все сельчане, хотя миссионер специально выбрал относительно свободное время между полевыми работами. По наблюдениям А.Кремлева, на следующий день в школу «апазовцы собрались охотнее, чем в храм», туда пришло больше народа. Там он провел беседу о «недостатках учения Корана с нравственной точки зрения» [12, с.26].

Но, несмотря на искренние стремления православного духовенства поддерживать прежний христианский облик села, а также ограничения властей и даже судебное дело 1907 г., в с. Апазово наблюдались другие духовные практики и начавшийся процесс реисламизации приобрел необратимый характер.

Тайная и явная жизнь мусульман Апазова. «Недалеко от села к северу сохранились две сосны “киремети”», «треб было немного», «неохотно и неаккуратно прибегали к совершению их, многие же и тогда уклонялись от православия», – так было зафиксировано в описании Апазова накануне Первой мировой войны [10, с.69]. В этом замечании – и присутствие языческих верований в жизни апазовцев («священное место» с соснами – «кереметь»), и игнорирование церковных обрядов. Например, в церковных записях апазовский священник не мог найти информацию порой даже о старожилах, т.е. людях достаточно взрослых.

В годы Первой русской революции среди апазовцев все более широко распространялись мусульманские практики. Своего хазрата в селе не было, но большую работу вел религиозный служитель из соседней д. Каратай – мулла Камалетдин Назмутдинов. Он проводил апазовцам мусульманские обряды «исем кушу» (имянаречения) и «никах» (бракосочетания). Татарские имена давались не только новорожденным, но и взрослым апазовцам с русскими именами. Камалетдин-хазрат действовал вполне уверенно и заверял крещеных татар в том, что на все это имеется разрешение губернатора¹². Очевидно, он имел в виду указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.

По данным 1909 г., к мусульманскому приходу д.Каратай Мамсинской волости Казанского уезда относилась и часть населения с. Апазово Балтасинской волости того же уезда: всего в этом документе было учтено 77 человек мужского пола, все они были указаны как отпавшие после 1905 г.¹³

Помимо Камалетдина Назмутдинова, обязанности мусульманского священнослужителя возложил на себя и один из лидеров «отпавших» апазовцев – Минибай Ямалеев¹⁴ (по официальным документам – Александр Емельянов), который тоже давал и маленьким, и взрослым апазовцам новые мусульманские имена. Поэтому некоторые односельчане называли его

¹² ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1376. Л.2.

¹³ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.8336. Л.1–18.

¹⁴ В разных документах фамилия этого человека указывалась как «Ямалетдинов», «Замалетдинов», «Ямалеев».

«временным муллой». Кроме него, по словам одного из апазовцев, в 1907 г. мусульманские имена давала и женщина по имени Анна, дочь Ивана Мартынова¹⁵.

В документах тех лет некоторые апазовцы указывались либо с двойными именами (например, Андрей Егоров – Амир Бикчентаев, Василий Алексеев – Башир Апсалямов, Ефим Игнатъев – Карим Ибрагимов), либо с новым именем и старой фамилией (например, Сайфутдин Иванов)¹⁶. Такое маргинальное положение между исламом и православием сохранялось в с. Апазово почти до революционных событий 1917 г. Например, на один из сельских сходов в 1914 г. собрались 153 домовладельца, из них подписались мусульманскими именами лишь 23 человека¹⁷. Но каким образом давались новые имена (особенно, когда речь шла об Анне Мартыновой), проводился ли сам мусульманский обряд имянаречения – эти моменты остаются неясными. Интересно, что во время судебного разбирательства 1907 г. А.Емельянов (М.Ямалеев) заявил о своей непричастности к данной практике: «Имен татарских никому не давал, они («отпавшие». – Л.Г.) называли себя именами теми сами»¹⁸.

Проводились и другие мусульманские обряды. Например, по словам иеромонаха Иоанна, в июле 1907 г. некоторые апазовцы-мусульмане «тайно стали делать над младенцами обрезание»¹⁹. Здесь надо отметить, что именно в татарских деревнях Заказанья проживали мусульмане-специалисты по обрезанию, которые считались потомками сахабов (сподвижников пророка Мухаммеда) и передавали свое ремесло из поколения в поколение. Для них это был своеобразный отхожий и очень благородный промысел, они ездили по разным губерниям Европейской России [20, с.41].

Также именно в революционный период апазовцы начали устраивать мусульманские общественные моления (коллективные намазы). Для этого они собирались в одном из домов «отпавших». Эти намазы в донесениях к органам власти в 1907 г. иеромонах Иоанн называл «тайными собраниями» и считал противозаконным актом, ссылаясь на Временные правила 1906 г. о союзах и собраниях²⁰. Вероятно, из-за этого их пытался разогнать и местный становой пристав. Он их периодически проверял и препятствовал проведению религиозных обрядов [22, с.3].

После 1905 г. в селе начал функционировать также татарский мектеб. По словам иеромонаха Иоанна, эти школы были организованы в доме Ефимия Игнатъева (Карима Ибрагимова). Каждую из них посещали до 80

¹⁵ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.9, 2об.

¹⁶ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.2–9.

¹⁷ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5989. Л.6–8.

¹⁸ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.4.

¹⁹ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.13.

²⁰ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.1.

детей, а учительницами работали две приезжие татарки-мусульманки²¹. Однако с 1907 г. в различные инстанции власти начали поступать ходатайства о необходимости закрытия данной школы, как имевшей «очень вредное влияние на христианское население этого села, в смысле свращения последнего в магометанство». В результате «тайные школы» были закрыты²².

Вообще в этот период чиновники учебного ведомства были серьезно обеспокоены уменьшением количества учащихся в Апазовском училище. Например, в 1903 г. в Апазовском одноклассном училище обучалось 87 мальчиков, на следующий 1904 г. оно было преобразовано в двухклассное, но количество учащихся, наоборот, сократилось до 60 человек [10, с.72; 18, с.108–109]. Наряду с равнодушным отношением некоторых бедных семей к обучению своих детей (они обычно отдавали подростков как можно раньше в подмастерья для освоения портняжного ремесла), уменьшение числа учеников было связано и с сознательным выбором родителей мусульманского просвещения. Ограждение детей от «дурного влияния» родителей (особенно «отпавших») оставалось одной из насущных задач для чиновников и учителей миссионерской школы²³.

Безусловно, на апазовских татар в это время оказывало влияние и рост этноконфессионального самосознания у татар-мусульман, и развитие татарской культуры с открытием новометодных (джадидских) мектебов и медресе при мечетях, с книгоиздательским бумом. Поэтому они тоже хотели организовать в с. Апазово не только мусульманский приход, но и татарскую школу нового типа. Очень показательно, что лидеры движения искали поддержки через татарские газеты. Так, весной 1907 г. М.Ямалеев и Б.Апсалямов пришли в редакцию казанской газеты «Юлдуз», где рассказали о тяжелой религиозной ситуации в с. Апазово. Несмотря на различные препятствия со стороны властей, неофиты были настроены решительно. Они заявляли, что их не пугает ни смерть, ни Сибирь [22, с.3]. Через татарские газеты «отпавшие» собирали и благотворительные средства. В 1917 г. в газете «Юлдуз» вновь была публикация о ситуации в с. Апазово и необходимости сбора средств на строительство мечети.

Представители православного духовенства так же отмечали особое значение татарской печати на «отпавших». Однако интерпретировали это влияние немного в другом ключе. Так они надеялись на уменьшение революционных настроений с помощью татарской печати: «Среди торговцев-мусульман татарские журналы и газеты начинают распространяться и, быть может, остановят начинающееся среди татарской молодежи брожение (хулиганство) от прикосновения к поверхностной накипи культуры», – отмечали они [10, с.72].

²¹ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.13.

²² ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1376. Л.2.

²³ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.7109. Л.1–1об.

Несмотря на провозглашение во время революции религиозной свободы в стране, апазовские лидеры «отпавших» вскоре были привлечены к судебной ответственности за свою «вредную деятельность». В результате в 1907 г. за А.Емельяновым (М.Ямалеевым) и В.Алексеевым (Б.Апсаламовым) было установлено «тщательное наблюдение» и запрещены общие собрания²⁴.

По данным 1909 г., в с. Апазово отпавших насчитывалось 599 человек. Всего отпавших крещеных татар в этот период было уже более 35 тыс. человек [14, с.125]. В декабре 1909 г. уполномоченные жителей с. Апазово – крестьяне Б.Апсаламов и М.Ямалеев – отправили прошение на имя попечителя Казанского учебного округа с просьбой разрешить им открытие татарской мусульманской школы. Просители ссылались на закон 1905 г. и подчеркивали, что монарх «представляет нам свободу вероисповедания». В этой связи основной заботой апазовцев было официальное присоединение к мусульманскому сообществу. Своей самой насущной задачей они считали открытие «природной татарской школы» (мектеба), так как хотели воспитывать детей «в духе магометанской религии»²⁵. Однако инспектор народных училищ Ф.Краснорецкий считал, что открытие «мусульманской вероисповедной школы» в с. Апазово пока преждевременно, особенно после на шумевшего дела о закрытии «тайного мектебе». По его мнению, разрешение мусульманской школы стало бы непоследовательным решением учебной инспекции. В итоге эта рекомендация была поддержана и директором народных училищ Казанской губернии в январе 1910 г.²⁶

Помимо коллективного чтения намазов, имянаречения и мусульманского просвещения, не менее важным был вопрос захоронений умерших «отпавших». Еще с 1907 г. некоторые апазовцы публично говорили о необходимости организации отдельного мусульманского кладбища²⁷. Но разрешение на это от православного духовенства они получили лишь в 1911 г., когда «отступники стали хорониться в другом кладбище в 200 сажнях от православного». В с. Апазово, кроме того, имелось тогда еще «старое черемисское» кладбище [10, с.73].

Желание неопитов привести свой образ жизни в соответствие с нормами мусульманской культуры выражалось и в других действиях. В июне 1914 г. они возбудили ходатайство о необходимости закрытия в с. Апазово виноторговли, мотивировав свою просьбу желанием противодействовать развитию пьянства²⁸. В селе тогда работали казенная винная лавка и две частные пивные, они стали местом притяжения базарной публики. По свидетельству казанского уездного исправника, во время еженедельных базаров

²⁴ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2835. Л.8.

²⁵ ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1376. Л.87–87об.

²⁶ ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1376. Л.3–3об.

²⁷ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.3

²⁸ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5989. Л.2.

многие крестьяне пропивают всю свою базарную выручку. «Вследствие чего население окрестных деревень, не смотря на ряд хлебородных лет, заметно беднеет, и это обстоятельство невольно заставляет их заниматься кражей и нищенством», – писал он. Поэтому исправник тоже считал, что питейные лавки нужно закрывать. Винная лавка была закрыта на основании приказа управляющего акцизными сборами Казанской губернии от 20 августа 1914 г., частные пивные, по договору с предпринимателями, должны были функционировать до 1 января 1915 г. В итоге их закрыли в сентябре 1914 г., уже из-за «положения о государственной охране» во время войны²⁹. Впрочем, на Апазовском и Балтасинском базарах продолжали открыто продавать спиртное и его суррогаты и в 1915 г. [16, с.85].

Таким образом, возвращение к мусульманской традиции в с. Апазово было сопряжено с большими трудностями. Новые возможности открылись лишь после февраля 1917 г. – Апазовская махалля, наконец, получила юридическое оформление. После нового закона о свободе вероисповеданий апазовские «отпавшие» с особым рвением продолжили дело по организации мусульманского прихода и строительству мечети. Начала поступать благотворительная помощь от татар-мусульман, однако в условиях постоянного роста цен эти суммы очень быстро обесценивались. В апреле 1917 г. жители Апазова постановили образовать самостоятельную махаллю и построить двухэтажную полукаменную мечеть. Примечательно, что реализацию этих планов взяли под свою особую опеку видные татарские общественные деятели. Уже 15 мая 1917 г. согласие с приговором мусульман Апазова выразило Оренбургское магометанское духовное собрание. Такая оперативность во многом была обусловлена деятельным участием одного из влиятельнейших заседателей Собрания Х.-Г. Габяши, который сам был уроженцем Казанского уезда и знал историю села Апазово не понаслышке.

В Казани перед местным губернским правлением ходатайствовали адвокат С.Ш. Алкин и председатель Казанского мусульманского комитета Ф.Ф. Туктаров. В результате в с. Апазово был вскоре официально зарегистрирован мусульманский приход. Но 10 августа 1917 г. строительное отделение отказалось утвердить проект мечети, сославшись на строительный устав, запрещающий постройку культовых зданий на расстоянии менее 20 сажень от жилых строений. Существовавшее двухэтажное полукаменное здание Апазовской мечети не соответствовало чертежам и планам 1917 г. Видимо, оно было выстроено раньше.

Муллой Апазовского мусульманского прихода еще весной 1917 г. прихожане избрали крестьянина д.Новое Камкино Спасского уезда (ныне Алькеевский район РТ) Абдулрауфа Мухаметсафиновича Хамзина [17, с.155]. Образование мусульманского прихода и строительство мечети ста-

²⁹ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5989. Л.12–14.

ли последней ступенью в достижении давней цели – возвращения к религии предков.

Апазовское сообщество: «старо-отпавшие» и «ново-отпавшие».

Помимо взаимоотношений с внешним миром, коему можно отнести и апазовских «иногородних» православных, и татар-мусульман за пределами Апазова, немалый интерес представляют и отношения жителей внутри сельского сообщества, связанных между собой родственными, соседскими, брачными узами. В годы Первой русской революции в делопроизводственных материалах выделяли «старо-отпавших» (т.е. в 1880-е гг.) и «ново-отпавших» жителей Апазова.

Основной движущей силой «ново-отпавших» в с. Апазово были представители среднего поколения – 30–45 лет. В 1910 г. епископ Андрей называл их «учениками русского священника Миропольского», указывая на то, что его деятельность дала ровно противоположный эффект [14, с.364–365]. Например, в 1907 г. лидерам движения Минибаю Ямалееву было 27 лет, Баширу Апсалямому – 35. Они оставались уполномоченными от апазовцев и в дальнейшем. Это было поколение детей «старо-отпавших» в 1880-е гг. Возможно, некоторые из них избежали не только крещения, но и школьного просвещения. Так, и М.Ямалеев, и Б.Апсалямов в документах не ставили свои подписи, ссылаясь на неграмотность. Судя по всему, они не проходили обучения в Апазовском мужском училище.

Как отмечал другой миссионер, Я.Д. Коблов, еще в 1903 г., попытки духовной и светской власти к возвращению отступников в лоно церкви не увенчались успехом. Во многом из-за слишком жестких ограничений. «...Эти попытки не привели ни к каким благим результатам, – писал он. – И даже, можно сказать, произвели обратное действие: вследствие жестокости мер, применявшихся к отступникам, они еще больше оттолкнули их от церкви, озлобили, сделали до крайности подозрительными и осторожными» [11, с.3].

Действия среднего поколения «отпавших» негласно поддерживались, а иногда и гласно, их родителями, старшим поколением. Например, в одном из судебных документов 1907 г. фигурирует мать М.Ямалеева, которая «оскорбила» семейство односельчанина Ивана Парфенова, вернувшегося обратно в православие. Женщина приходила специально домой к этому человеку, чтобы высказать все публично. То же самое сделал и ее сын³⁰. Этот эпизод указывает на два важных момента: конфликтность внутри деревенского сообщества и женский фактор в процессе реисламизации.

Православные миссионеры много внимания уделяли Апазовскому мужскому училищу, рассматривая его как мощную силу в поддержании православного духа татарской деревни. Например, многие ученики школы пели в церковном хоре, во время учебного года исправно посещали церковные службы. Правда, в каникулярное время все эти усилия сходили на

³⁰ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.11.

нет, и духовенство констатировало, что «в летнее же время они, как и их родители, редко показываются в церкви» [10, с.72]. Старались развивать и женское просвещение. Но открывшаяся только в 1889 г. женская школа грамоты не пользовалась особым успехом у населения. Например, даже спустя 14 лет после открытия, в 1903 г. в школе обучалось только 16 девочек, хотя в следующем 1904 г. число учениц выросло до 30 [18, с.108–109]. Возможно, рост был связан с усилением учебного надзора после отчета Я.Д. Коблова в 1903 г. В целом, многие апазовские татарки оставались за рамками школьно-православных практик, так как не все родители спешили отдавать дочерей в школу. «К сожалению, при слишком безразличном отношении к образованию дочерей, трудно усилить христианское влияние через женщин, этих главных воспитательниц подрастающего поколения, особенно при отлучках мужей на заработки в мусульманские деревни», – отмечалось в описании Апазовского православного прихода 1910-х гг. [10, с.72]. Влияние апазовских женщин на реисламизацию деревни можно связать и со смешанными браками, хотя по имперскому законодательству того времени они считались сожителем татар-мусульман и православных. По свидетельствам самих апазовцев, такие семейные союзы тоже встречались в их деревне.

Таким образом, возвращение в ислам было обусловлено не только мужским фактором (отходничеством, торговыми связями и т.д.), но и женским: татарки этой деревни долгие годы не были вовлечены в процесс миссионерского просвещения, а женская школа грамоты в с. Апазово работала только на рубеже XIX–XX вв. [13, с.6]. Например, в 1909 г. здесь было зафиксировано 233 «отпавших» мужчин и 246 таких же женщин [19, с.104–105].

Любопытно, но женский фактор влиял на реисламизацию апазовцев и совсем в ином ключе. Ислам привлекал «ново-отпавших» принципиально другим подходом в межполовых, брачных взаимоотношениях: упрощенная процедура разводов (например, после 1906 г. в с. Апазово были отмечены и разводы среди «ново-отпавших», и вступления в новые брачные отношения), многоженство – с одной стороны, и изолированность женщин и мужчин – с другой (например, мусульмане практиковали отдельные коллективные намазы для мужчин, в отличие от церковной службы, где присутствовали представители обоих полов)³¹.

В годы Первой русской революции действия М.Ямалеева и Б.Апсаламова были схожи, в определенной степени, с деятельностью агитаторов-социалистов той поры: они также ходили по домам, рассказывали о новом положении, обнадеживали грядущими переменами. Началось это движение в конце 1905 г. Единственное отличие – лидеры «отпавших» не распространяли листовки и газеты, но выступали своеобразными каналами передачи информации для своих сельчан. Они часто ездили в Казань (как

³¹ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.13, 3об.

видим, бывали даже в редакции татарской газеты «Юлдуз») и, заручившись поддержкой татар-мусульман, убеждали остальных апазовцев в необходимости легализации мусульманской общины села.

Публичное игнорирование православных обрядов, а также признание себя мусульманином, происходило не только под влиянием лидеров «отпавших», но и из-за давления родственников. Некоторые указанные родственники-«подстрекатели» оказывались людьми с тяжелым прошлым. Например, сразу два человека (Афанасий Демьянов, Никита Федоров) из числа «ново-отпавших» указали, что «отпали» по просьбе родственника, вернувшегося из сибирской ссылки. Среди них были не только ссыльные из «старо-отпавших», но и отбывшие наказание за другие дела (например, один человек был сослан из-за убийства)³². По мере возрастания революционных настроений, нарастало и число новых мусульман, пик пришелся на начало 1906 г., когда появился слух о существовании «некого манифеста»³³.

Но с утиханием революционной волны, усилением правовых ограничений и возвратом к прежним порядкам, некоторые «ново-отпавшие» демонстрировали конформистский настрой. Уже во время судебного разбирательства 1907 г. они (Емельян Ерофеев, Никита Федоров) признавались, что просто следовали за остальными и готовы вернуться обратно в православие³⁴. Кроме того, в с. Апазово в этот период оставались и официальные православные. Некоторые из них выступали с различными заявлениями, давали свидетельские показания против апазовцев-мусульман. Например, кроме упомянутого выше Фрола Степанова, среди таких заявителей и свидетелей были жители Апазова – Петр Васильев, Фома Алексеев, Иван Трофимов, Андрей Егоров, Иван Алексеев, Моисей Филимонов, Филипп Васильев, Сергей Михайлов, Михаил Павлов, Николай Иванов, Михаил Архипов и даже «старо-отпавший» Закир Зарифов³⁵. Как уже было упомянуто выше, заявления 1907 г. были инициированы при поддержке временного священника, тоже уроженца Апазова – Е.Ф. Филиппова.

Взаимоотношения между крещеными татарами и татарами-мусульманами в с. Апазово в этот период оставались напряженными, они были настроены враждебно друг к другу, шутки и издевательства порой доходили до серьезных разбирательств. Например, в ярости высказывались не только оскорбления, звучали даже прямые угрозы («хочет нас убить»), были и случаи физического насилия («побили до полусмерти»)³⁶. Конфликты взрослых переходили и в детскую среду, где возникало противостояние по религиозному принципу³⁷. С одной стороны, православные

³² ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.11–12.

³³ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.13.

³⁴ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.11–12.

³⁵ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.2.

³⁶ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.10.

³⁷ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2835. Л.1.

жаловались на «глумление» над ними мусульман, с другой – о давлении на «отпавших», на их запугивание властями и военной силой жаловались и лидеры движения за возвращение в ислам – М.Ямалеев и Б.Апсалямов [22, с.3]. Таким образом, процесс реисламизации был непростым со всех сторон, внешние вызовы в виде правовых ограничений и судебных разбирательств отражались и на функционировании сообщества.

Выводы. Татарское село Апазово с постоянно растущим населением и со своим торгово-культурным потенциалом (лавки, базар, ярмарка, училище и т.д.) долгое время оставалось в орбите интересов православной миссии. Поэтому, несмотря на очевидную лояльность населения к мусульманским практикам в повседневной жизни и даже проявления протестных настроений (игнорирование церковных служб, пожар 1907 г.), населенный пункт официально оставался православным даже в условиях провозглашенной в 1905 г. веротерпимости в стране.

Ограничение контактов местных жителей с жителями соседних татарских (мусульманских) деревень не увенчалось успехом. Отхожий портняжный промысел оставался основным источником доходов апазовцев, а местная ярмарка привлекала всю татарско-мусульманскую округу. На фоне официальных заявлений о новом законе жители Апазова получили поддержку от татар-мусульман (соблюдение мусульманской обрядности, открытие мектеба, сбор средств на строительство мечети и т.д.).

Лидерами движения «ново-отпавших» были представители среднего поколения, дети «отпавших» в 1880-е гг. Они вели широкую агитаторскую работу среди односельчан, схожую с деятельностью представителей различных партий социалистического толка. Кроме того, скрытым фактором реисламизации в с. Апазово стала роль местных женщин, так как они были вовлечены в сферу церковного просвещения в меньшей степени.

После спада революционных настроений к 1907 г. в селе обозначились конформистские настроения. Некоторые «ново-отпавшие» предпочли вернуться в лоно церкви, а лидеры движения за восстановление религиозных прав стали фигурантами судебного дела. Окончательное разрешение «апазовский вопрос» получил после февраля 1917 г., когда все же удалось зарегистрировать официальный мусульманский приход.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев И.Е.* Православная миссия в Казанской епархии в конце XIX – начале XX вв. Вып. 1. Казань: ООО «Астория», 2010. 306 с.
2. *Андрей, епископ.* О нормальном положении православия в православном русском царстве. Казань: Типо-лит. И.С. Перова, 1908. 16 с.
3. *Багаутдинова Х.З.* Основные вехи дореволюционной истории деревни Верхний Азяк // Кряшенское историческое обозрение. 2016. №2. С.116–125.
4. *Баһаветдинова Х.З.* Казан арты базарлары-ярминкәләре тарихыннан (XIX йөз уртасы – XX гасыр башы) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №3. С.20–28.

5. *Бобровников Н.А.* Инородческое население Казанской губернии. Вып.1. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1899. 68 с.
6. *Габдрафикова Л.Р.* «Отпадение в мухаммеданство» в Апазово: первый этап (1870–1880-е гг.) // Кряшенское историческое обозрение. 2020. №1. С.38–50.
7. *Әхмәтҗанов М.И.* Татар шәжәрәләре. Т.2. Казан: Изд-во «Яз», 2013. 372 б.
8. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века: сост. Дамакин (Орловский). Тверь: Булат, 2008. 712 с.
9. Журнал Министерства народного просвещения. Т.166. СПб., 1873. 877 с.
10. Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанского уезда. Вып. III. Казань: Центральная типография, 1916. 195 с.
11. *Коблов Я.Д.* О состоянии миссионерского дела в Казанской епархии за 1903 г. Казань: Типо-литография Университета, 1904. 26 с.
12. *Кремлев А.* Отчет Казанского епархиального инородческого миссионера за 1912 год. Казань: Центральная типография, 1913. 33 с.
13. *Ленс И.А.* Состояние народного образования в Казанском уезде за 1898/9 учебный год. Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1899. 47 с.
14. Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / сост. И.К. Загидуллин, Р.М. Залялетдинова. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2015. 588 с.
15. Отчет Енисейского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1894 год. Красноярск, 1896. 34 с.
16. Постановления 51 очередного собрания Казанского уездного земства. 1915 год. Казань, 1916. 402 с.
17. *Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань: Изд-во «Фест», 1995. 278 с.
18. Справочная книга Казанской епархии. Казань: Типография А.М. Петрова, 1904. 795 с.
19. Справочная книга Казанской епархии. Казань: Типография Д.М. Гран, 1909. 776 с.
20. *Сухарев А.* Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904. 195 с.
21. Татарская энциклопедия. Т.1. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002. 672 с.
22. Йолдыз. 1907. 18 май.
23. Йолдыз. 1907. 27 июнь.

Информация об авторе:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, ФИЦ «Казанский научный центр РАН» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Поступила 12.04.2023

Принята к публикации 10.05.2023

Re-Islamization of baptized Tatars
during the revolutions of the early 20th century:
on the example of the Apazovo village of the Kazan district

L.R. Gabdrafikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Federal Research Center "Kazan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences"
Kazan, Russian Federation*

The article examines the difficult period in the history of the Apazovo village of the Kazan district of the Kazan province – 1905–1917. During the first Russian revolution baptized Tatars renewed their movement to return to Islam. We used different focuses to analyze this rural community: socio-economic ties, an Orthodox parish, an illegal Muslim community, leaders and outsiders of a religious movement. Markers of the Muslim subjectivity of the population of Apazova were different religious practices. Conflicts and conformity in the community correlated with different phases of the 1905–1907 revolution. There are the main motives that led to the change of religious attitudes. It is important that in addition to external forces (Orthodox missionaries, Muslim Tatars), the religious movement had internal resources: an active middle generation and the female factor.

Keywords: Kazan province, Zakazan'e, Baltasinsky volost, history of tatar villages, christian missionary work, Revolution of 1905–1907, Tatar everyday life

Fot citation: Gabdrafikova L.R. Re-Islamization of baptized Tatars during the revolutions of the early 20th century: on the example of the Apazovo village of the Kazan district. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.53–72. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.53-72> (In Russian)

REFERENCES

1. Alekseev I.E. *Orthodox mission in the Kazan diocese in the late 19th – early 20th centuries*. Vol. 1. Kazan: Astoriya Publ., 2010. 306 p. (In Russian)
2. Andrey, episkop. *About the normal position of Orthodoxy in the Orthodox Russian kingdom*. Kazan: I.S. Perov Publ., 1908. 16 p. (In Russian)
3. Bagautdinova Kh.Z. Milestones in pre-revolutionary history of Verhnii Azyak village. *Kryashen Historical Review*. 2016, no.2, pp.116–125. (In Russian)
4. Bagautdinova Kh.Z. From the history of fair and market trade in the Kazan region (mid XIX – early XX century). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2022, vol.12, no.3, pp.20–28. (In Tatar)
5. Bobrovnikov N.A. *Another's population of Kazan province*. Vol.1. Kazan: Kazan Imperial University, 1899. 68 p. (In Russian)

6. Gabdrāfikova L.R. "Return to Islam" in Apazovo: the first stage (1870–1880s). *Kryashen Historical Review*. 2020, no.1, pp.38–50. (In Russian)
7. Akhmetjanov M.I. *Tatar shedzhere*. Vol.2. Kazan: Yaz Publ., 2013. 372 p. (In Tatar)
8. *Lives of the New Martyrs and Confessors of Russia in the 20th century*. Ed. by Damaskin (Orlovsky). Tver: Bulat Publ., 2008. 712 p. (In Russian)
9. *Journal of the Ministry of Public Education*. Vol.166. St. Petersburg, 1873. 877 p. (In Russian)
10. *Historical and statistical description of churches and parishes of the Kazan district*. Vol.3. Kazan: Central Printing House Publ., 1916. 195 p. (In Russian)
11. Koblov Ya.D. *About the state of missionary work in the Kazan diocese in 1903*. Kazan: Kazan Imperial University, 1904. 26 p. (In Russian)
12. Kremlev A. *Report of the Kazan diocesan foreign missionary for 1912*. Kazan: Central Printing House Publ., 1913. 33 p. (In Russian)
13. Lens I.A. *The state of public education in the Kazan district for the 1898/9 academic year*. Kazan: V.M. Klyuchnikov Publ., 1899. 47 p. (In Russian)
14. *Special meeting to develop measures to counter the Tatar-Muslim influence in the Volga region in 1910: documents and materials*. Ed. by I.K. Zagidullin, R.M. Zalyaletdinova. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015. 588 p. (In Russian)
15. *Report of the Yenisei Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1894*. Krasnoyarsk, 1896. 34 p. (In Russian)
16. *Resolutions of the 51st regular meeting of the Kazan district zemstvo. 1915*. Kazan, 1916. 402 p. (In Russian)
17. Salikhov R.R., Khayrutdinov R.R. *Republic of Tatarstan: monuments of history and culture of the Tatar people (late 18th – early 20th centuries)*. Kazan: Fest Publ., 1995. 278 p. (In Russian)
18. *Reference book of the Kazan diocese*. Kazan: A.M. Petrov Publ., 1904. 795 p. (In Russian)
19. *Reference book of the Kazan diocese*. Kazan: D.M. Gran Publ., 1909. 776 p. (In Russian)
20. Sukharev A. *Kazan Tatars (Kazansky district). Experience of ethnographic and medical-anthropological research*. St. Petersburg, 1904. 195 p. (In Russian)
21. *Tatar Encyclopedia*. Vol.1. Kazan: Institut of Tatar Encyclopedia, 2002. 672 p. (In Russian)
22. *Yoldyz*. 1907. May 18. (In Tatar)
23. *Yoldyz*. 1907. June 27. (In Tatar)

About the author:

Gabdrāfikova Liliya Ramilevna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Received April 12, 2023

Accepted for publication May 10, 2023